

Список использованных источников и литературы

1. Колесников А. С., Ставцев С. Н. Проблема субъективности в постструктурализме // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. философского общества, 2000. 112 с.
2. Огурцов А. П. От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Философия науки. Вып. 11 : Этнос науки на рубеже веков. М. : ИФ РАН, 2005. 341 с.
3. Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск : Экономпресс, 2000. 223 с.
4. Кассен Б. Эффект софистики. М.-СПб. : Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. 238 с.

УДК 167.7 : 001.101

В. В. ЦАЦАРИН

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ПРИНЦИП ВЕРИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ И ПОПЫТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЕГО В НАУКАХ

Рассматриваются основные положения позитивистского принципа верификации знания. Принцип был введен для разграничения научного и ненаучного знания. Анализируются попытки применить данный принцип в естественных и гуманитарных науках. Показываются возникающие при этом трудности. Исследуется критика принципа верификации в западной философии.

Среди наиболее известных достижений неопозитивизма выделяется введённый М. Шликом принцип верификации как редукции к опыту. Цель, которую ставили перед собой неопозитивисты, заключается в научном постижении мира на основе данных логики, математики, физики. При этом очень важно было определить критерии, на основании которых можно проводить демаркацию научного и ненаучного знания.

Суть новой философии Шлик видит не в логике, а в природе самой логики. Философ говорит о том, что всякое познание есть выражение, то есть репрезентация. Суть главной идеи М. Шлика можно выразить следующими положениями :

– Данные наблюдений позволяют учёному сформулировать предложения, на основе которых осуществляются предсказания. Такие предложения Шлик называет протокольными.

– Протокольные предложения перестают быть гипотетическими и признаются достоверными, если сделанные на их основе предсказания подтверждаются экспериментальными фактами.

Тем самым именно эксперимент проверяет науку на подлинность, достоверность. В терминах неопозитивизма такая проверка называется верификацией.

Сферой профессионального интереса Р. Карнапа стало выяснение логического характера синтаксиса языка. С его точки зрения, для построения логически стройного языка необходимо задать характеристики знаков и правила преобразования одних языковых выражений в другие. Причём языков может быть множество, и языки могут быть любыми (принцип толерантности). Главное, чтобы языки были построены правильно [1, с. 214].

В логическом позитивизме утверждается, что существуют два принципиально отличных друг от друга вида научных знаний : фактуальное и формальное.

Фактуальное научное знание представляют эмпирические науки (опытно-экспериментальное естествознание). Они дают знание о мире, и предложения этих наук носят синтетический характер. Для определения истинности синтетических предложений необходимо обратиться к фактам. Для их понимания важна семантика.

В свою очередь формальное научное знание представляют логика и математика. Суждения этих наук не дают никакой информации о мире, они дают возможность преобразовывать имеющееся знание о мире, оперировать языковыми выражениями. Предложения этих наук являются аналитическими, то есть, как утверждает логический позитивизм вслед за Л. Витгенштейном, являются тавтологиями. Они истинны при любом фактическом положении вещей. Истинность их определяется всецело принятыми правилами языка. Другими словами, их истинность заключена в них самих. Для понимания таких предложений важна синтактика и знание конвенций.

Логический позитивизм утверждает, что предложения логики и математики, а также предложения эмпирических наук могут быть осмысленными (одни – в силу правил и конвенций, другие – в силу отношения к фактам). Истинность в тех случаях, когда она в принципе может быть установлена, выявляется путем верификации. А предложения философии (в том числе и суждения этические и эстетические) лишены смысла, они бессмысленны, являются

псевдопредложениями, так как метод их эмпирической проверки указать невозможно.

К недочётам принципа верификации традиционно относят следующие :

1. Принцип верификации требует сопоставления не с объективной реальностью, а с ощущениями субъекта.

2. Логический позитивизм исходит из догмы редукционизма, считая, что можно свести все теоретические положения к элементарным предложениям наблюдения. Как следствие, всё содержание теории может быть сведено к чувственному данному.

3. Упрощённо понимается процесс подтверждения предложений научной теории. Он сводится к верификации, которая, рассматривается как единственный критерий различения научных и ненаучных предложений.

Попытки осмысления применимости принципа верификации в американской аналитической философии также приводили к отходу от положений неопозитивизма и переходу, чаще всего, к прагматизму. Американский философ Уиллард Куайн считает, что аналитические и синтетические предложения, синтактика и семантика должны быть объединены в единой концептуальной схеме [2, с. 63]. Дональд Дэвидсон объединяет в единое целое семантику, синтактику и прагматику. Последняя, с его точки зрения, имеет дело с ценностями людей, с их убеждениями, что делает прагматику условием плодотворной intersubjectivity и коммуникации [3, с. 150]. Хилари Патнэм расширяет область прагматики и включает в нее политику, этику и мораль [4, с. 411].

Верификационный критерий теоретических утверждений показал свою ограниченность, вызвав многочисленную критику в свой адрес.

Средний человек не может «верифицировать» специальную теорию относительности. Но даже учёный, учитывая нестабильность научных теорий, по-видимому, не отнесёт даже такую признанную научную теорию, как специальная теория относительности, к «просто истине и всё».

Тем не менее, решение научного сообщества состоит в том, что специальная теория относительности «успешна» – фактически подобно квантовой электродинамике, успешной теории, дающей «успешные предсказания» и поддержанной «широким набором экспериментов». Решение о том, что специальная теория относительности и квантовая электродинамика «самые успешные из тех физических теорий, которые у нас есть», – решение, вынесенное теми авторитетами, которые определены обществом, и

авторитетность которых закреплена в практике и ритуале и таким образом институционализована. А это уже конвенционализм.

Внимание на слабость позитивистской доктрины логического анализа научных знаний обратил К. Поппер. Он заметил, в частности, что наука в основном имеет дело с идеализированными объектами, которые, с точки зрения позитивистского понимания научного познания, не могут быть верифицированы с помощью протокольных предложений, а значит, объявляются бессмысленными [5, с. 35].

Таким образом, усилия позитивизма применить логический аппарат к анализу знания, выражаемых в форме повествовательных предложений, не привели к научно значимым результатам; они столкнулись такими проблемами, разрешить которые было нельзя в рамках принятого им редукционистского подхода к познанию и знанию.

Параллельно предпринимались попытки применить принцип верификации и к гуманитарным наукам, в частности, к истории. Много внимания данному вопросу уделяли философы аналитических направлений, наиболее распространенных в англо-американской традиции. Например, профессор Гарвардского университета, доктор Кларенс Льюис утверждал, что знание о предмете можно верифицировать или фальсифицировать только, если высказывание о нем существует в настоящем или будущем времени. Но высказывание о предмете в прошедшем времени таким образом проверить нельзя, так как сам предмет уже не существует [6].

Другой американский философ, Артур Данто указывает, что перевод на феноменалистский язык предложений, обозначающих прошлые события – дело очень сложное. Ссылка на возможное местонахождение в каком-то прошлом времени и месте ведет к переводу на этот же язык и понятия пространственно-временного расположения. Если же мы не можем положения во времени передать с помощью феноменалистских предикатов, то феноменализм терпит полное крушение. В итоге Данто приходит к выводу, что не следует отождествлять верифицируемость и осмысленность предложений. Что же касается верифицируемости, то, «строго говоря, не существует опыта, верифицирующего данное предложение, если под верификацией мы подразумеваем переживание в опыте того, что описывается данным предложением. Таким образом, в отношении предложений историков верифицируемость не является адекватным критерием осмысленности. Философское значение таких предложений заключается в следующем. Если существуют такие истинные описания событий, которые не могут быть даны очевидцами этих событий, то наша неспособность быть свидетелями этих событий в случае данного класса описаний ни о чем не говорит.

Даже если бы мы могли их наблюдать, мы не смогли бы верифицировать такие описания. Общий анализ предложений о прошлом этим не затрагивается» [7, с. 66–67].

Сам Льюис решает проблему верификации прошлого через введение «следствий» прошедшего события, которые существуют в настоящем и могут быть верифицированы. Если же таковых нет, то и познание невозможно. Но, если, говоря о прошлом, я лишь предсказываю, какие переживания в опыте я получу, если совершу некоторые действия, и что всё мое знание заключено в этих условных высказываниях, непонятно, какое значение может иметь высказывание «Грюнвальдская битва произошла в 1410 году». Непонятно и то, как можно, основываясь на «следствиях» прошедших событий, иметь знание о прошлом, если все наше знание есть предсказание наших чувственно переживаемых результатов.

Введение Льюисом «следствий» объекта исторического знания, которые продолжают его во времени и доводят до настоящего времени, делает историческое событие (Грюнвальдскую битву) продолжающимся, пока существуют эти его следствия. Однако битва эта не существует в настоящем, а знакомство с Декретом Советской власти №1 не предполагает знакомства с составившим его В. И. Лениным. Таким образом, введение «следствий» события не решает проблему верификации самого события. Восприятие следствия события не означает восприятия самого события, но лишь той его части, которая сохранилась до настоящего времени. А так как воспринять в опыте более раннюю его часть невозможно, то происходит возврат к началу рассуждения. Чтобы преодолеть это затруднение, Льюис вводит понятие «отпечатки времени», но не объясняет, что именно имеет в виду и лишь делает свои рассуждения ещё более туманными: «Для наших целей достаточно отметить, что какие-то распознаваемые признаки существующих объектов должны свидетельствовать об их прошлом, иначе прошлое нельзя было бы отличить от настоящего». Как справедливо отмечает Данто, если бы такой критерий использовался как основной, «мы не смогли бы отличить подделки от подлинных вещей, заметив на последних» отпечатки прошлого [7, с. 48].

Английский неопозитивист Альфред Айер ввел понятие «верифицируемости в принципе». Здесь смысл заключён в переводе предложений из изъявительного в сослагательное наклонение. Человек на протяжении жизни находится в разных местах и не может наблюдать события, происходящие в иных местах. Но его местоположение случайно, так как теоретически он мог находиться в другом времени и верифицировать происходящие там события. Айер

проводит аналогию со временем и утверждает, что и положение во времени также случайно. Человек, родившийся в 1979 году, непосредственно не может верифицировать смерть Цезаря в 44 году до н.э. Но, если бы он жил в тот год, он смог бы это сделать. Поэтому предложение «Цезарь умер в 44 году до н.э.» является в принципе верифицируемым. Ссылка идёт на тот опыт, который пережил бы человек, живший во время смерти Цезаря. Однако данный подход представляется вообще ненаучным, так как при определенной фантазии можно «верифицировать в принципе» высадку марсиан на Марсовом поле в 1705 году.

Для опровержения исторического скептицизма Данто выводит, что предикаты, ссылающиеся на прошлое, не являются независимыми от нейтральных в отношении времени предикатов. Чтобы быть истинным, предложение, имеющее форму времени, предполагает истинность соответствующего предложения, не имеющего формы времени. Аналогичным образом для того, чтобы было истинным приписывание ныне существующему объекту некоторого предиката, ссылающегося на прошлое, нужно, чтобы сначала было истинно приписывание ему соответствующего нейтрального в отношении времени термина [7, с. 76–77]. Приписывание некоторым предметам некоторых свойств, относящих их к событиям прошлого, опирается не на наличие таких свойств у этих предметов в настоящем. Поскольку истинное приписывание предикатов, ссылающихся на прошлое, ныне существующим объектам дает нам информацию о событиях и объектах, не принадлежащих настоящему, постольку предложения с такими терминами невозможно полностью перевести посредством нейтральных в отношении времени выражений.

Данто отмечает, что в историческом исследовании предложения о прошлых событиях играют ту же роль, что в научном исследовании играют предложения, «с так называемыми теоретическими терминами, и, подобно им, находятся в точно таких же взаимоотношениях с предложениями наблюдения» [7, с. 81] – они организуют наличный опыт. В качестве инструментов предложения с теоретическими терминами могут не оцениваться с точки зрения истины и лжи, как и другие инструменты науки, например, пробирки. Данто впервые использует инструментализм для нейтрализации скептицизма, а также для того, чтобы показать аналогию между наукой и историей, которую обычно не замечают, противопоставляя историческую и теоретическую науку. Инструментализм обходит все вопросы референции, доказывая, что не имеет значения, говорят ли такие предложения о чем-нибудь или нет : все остается тем же самым, ничто не меняется. Просто некоторые предложения мы начинаем

рассматривать не как констатации фактов, а лишь как инструменты, к которым понятия истинности и ложности неприменимы : можно говорить лишь о «лучших или худших» инструментах, и такая оценка любой пары предложений зависит от их относительных успехов в организации опыта.

Таким образом, попытки ввести принцип верификации в историческое исследование приводит только к ненужным проблемам и попыткам отрицать само возмможность подобного исследования. Даже приверженцы верификационизма вынуждены были придумывать различные «обходные пути» для верификации гуманитарных знаний.

Параллельно, историки для придания своей науке большей научности и достоверности разрабатывали конкретные методики анализа источников, сопоставления данных, привлечения неписьменных источников и т.д.

Список использованных источников и литературы

1. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М. : ЛКИ, 2007. 384 с.
2. Куайн У. В. О. Философия логики. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2008. 192 с.
3. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия : Избранные тексты / Сост. А. Ф. Грязнов. М. : Изд-во МГУ, 1993. с. 144–159.
4. Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Структура и развитие науки. М. : Наука, 1978. С. 396–418.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
6. Lewis C. I. The pragmatic element in knowledge. Berkeley, Calif. : University of California press. 1926. [электронный ресурс]. URL : <https://archive.org/details/pragmaticelement00lewi>. (дата обращения 20.01. 2015).
7. Данто А. Аналитическая философия истории. М : Идея-Пресс, 2002. 292 с.